

Глушкин О. Гумилев – поэт и воин // Страж Балтики. 2001. 10 февраля. С.6.

Он не только сам создал неповторимые хрестоматийные строки, он стал для многих учителем поэзии. И не только поэзии – вся его жизнь стала достойным образцом для подражания, образцом беззаветного служения своему Отечеству. К его высокому званию поэта всегда добавлялось – поэт-ратник. Он был один из самых вольных и гордых людей своего времени. Его влекли всегда острые ощущения, новые экзотические страны, неизведанное волшебство мира. Тяга к странствиям, очевидно, была заложена в нем с самого раннего детства.

Недаром он родился в Кроштадте, недаром судьба подарила ему тесное общение с морем и теми людьми, которые изведали его просторы. Его отец был корабельным врачом, мать – сестрой адмирала Льва Ивановича Зльвова, который и стал крестным отцом будущего поэта. И потом молодому Николаю Гумилеву повезло – семья переехала в Царское Село, где все, казалось, дышало поэзией. И гимназическим учителем стал сам Иннокентий Анненский – известный поэт. В девятнадцать лет у Гумилева выходит первый сборник стихов «Путь конквистадоров», полный романтических гроз и мечтаний. Он писал:

***Я конквистадор в панцире
железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и
безднам
И отдыхаю в радостном саду.***

Но конквистадор – это не только романтик, истинное значение слова – завоеватель. Юношеские стихи были полны предчувствием будущих битв. В них уже проглядывал будущий волевой характер поэта-ратника.

Отец хотел, чтобы Николай Гумилев стал моряком. Были поступление в Морской корпус и даже первое морское плавание. Но морская карьера не

состоялась. Морской корпус поэт променял на университет в Петербурге, потом уехал в Сорбонну. Там, в Париже, впитавший поэзию французских романтиков, он решил не только в стихах познать неизведанное. Его мечтой стала Африка, и он осуществил эту мечту: из Парижа он уехал в Египет и Судан. И позже, уже из России, отправился в научную экспедицию – в Абиссинию. Он стал страстным охотником и исследователем. Африка подарила ему первозданные ритмы и новые книги стихов.

Выход сборника стихов «Жемчуга» приносит ему признание и выдвигает его на первые роли в поэтическом мире Петербурга. В 1911 году он создает «Цех поэтов», активно сотрудничает в журналах, постоянно читает лекции и всегда окружен почитателями и учениками. В противовес господствующему в поэзии тех лет символизму он создает новое течение – акмеизм. В переводе с греческого «акме» значит «острие», «вершина». В понятии Гумилева – это совершенство. В основу ложится первозданность слова. И недаром впоследствии в одном из лучших и программных своих стихотворений он напишет:

*Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных
тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это Бог...*

Акмеизм стал основной стезей не только Гумилева, он нашел свое отражение в творчестве таких блестящих поэтов, как Осип Мандельштам и Анна Ахматова. Ахматова стала женой Николая Гумилева. Их имена сегодня стоят в нашей поэзии неразрывно. Их сын Лев впоследствии стал крупным ученым, философом. Вклад в русскую и мировую культуру этой триады трудно переоценить.

Бурную поэтическую деятельность Гумилева в Петербурге на время прервала война. Всю Европу охватило ее пламя. Началась новая трагическая эпоха. Патриотический порыв всколыхнул русское общество. Интеллигенция

восприняла события двояко, революционно настроенные ее круги даже жаждали поражения. Гумилев был, пожалуй, одним из немногих выдающихся деятелей, который не знал сомнений. 24 августа 1914 года он записался в добровольцы и, преодолев барьеры медицинских комиссий, был зачислен уланом на правах вольноопределяющегося в сводный кавалерийский полк, расквартированный в Новгороде. Здесь он прошел учебный курс, обучился верховой езде и владению шашкой. Велико было его стремление к непосредственной схватке с «германцами». Патриотизм его, по воспоминаниям современника, был безоговорочным.

После обучения Гумилев был назначен в маршевый эскадрон лейб-гвардии уланского полка и прибыл в войска на границу Восточной Пруссии. В это время немецкие войска на западном фронте угрожали Франции полным разгромом, по просьбе французского правительства русские войска начали наступление на Пруссию, чтобы спасти своего союзника. Первое боевое столкновение произошло в районе Шталлупенена (Нестеров). Затем в районе Гумбиннена (Гусев) завязалось одно из крупнейших сражений первой мировой войны. Немецкие войска потерпели сокрушительное поражение. В истории это сражение получило название Гумбиннен-Голдапское.

Гумилев прибыл, когда сражение это было уже почти завершено. Но бои продолжались. Все начало военного пути поэта связано с местами и городами нашей теперешней области. Гумилев вел подробный дневник, впоследствии дневник получил название «Записки кавалериста». К сожалению, очевидно, из-за цензуры города и поселки указаны условно. Но места все же узнаваемы. Гумилев обладал не только поэтическим даром, его военная проза предельно образна и четка. Вот как пишет он о своих первых военных впечатлениях: *«Это день навсегда останется священным в моей памяти. Я был дозорным и первый раз на войне почувствовал, как напрягается воля, прямо до физического ощущения какого-то окаменения, когда надо одному въезжать в лес, где, может быть, залегла неприятельская цепь, скакать по полю, вспаханному и поэтому*

исключающему возможность быстрого отступления, к движущейся колонне, чтобы узнать, не обстреляет ли она тебя. И в вечер этого дня, ясный и нежный вечер, я впервые услышал за редким перелеском нарастающий гул «ура», с которым был взят В. Огнестрелная птица победы в этот день слегка коснулась своим огромным крылом и меня...»

Сослуживцы Гумилева вспоминают о нем, как о человеке невозмутимом, храбром и общительном. Гумилев постоянно участвовал в разведывательных рейдах, в кавалерийских набегах в тыл врага, не с достоинством все тяжести походной жизни. За отличие в боях был произведен в унтер-офицеры. Дважды он был за храбрость награжден Георгиевским крестом. Лейб-гвардии уланский полк, в котором он служил, был в составе 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Он входил в конницу хана Нахичеванского. Затем дивизия вошла в состав конного гвардейского корпуса под командованием генерала фон Гилленшмидта. В декабре дивизия была переброшена в район Петрокова, к юго-западу от Варшавы. В феврале в сражениях у реки Неман действовала в тылу неприятеля.

С войны привез Гумилев не только «Записки кавалериста», целый ряд стихов о войне вошел в книгу «Колчан». Это о наступлении в Восточной Пруссии он пишет:

*Та страна, что могла быть
раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвертый день
наступаем,
Мы не ели четыре дня.
Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый
час
Оттого что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.*

*И так сладко рядить
Победу,
Словно девушку в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.*

Поражение в войне и революция многое изменили. Когда начался развал армии, Гумилев сумел добиться перевода к союзникам. Он предполагал, что будет причислен к экспедиционному корпусу генерала Франше д'Эспере, но это не удалось. Гумилев застрял в Париже. Там он занимался некоторое время набором добровольцев из абиссинцев в армию союзников. В 1918 году он покинул Париж и перебрался в Лондон, хотел отправиться на месопотамский фронт, чтобы сражаться в рядах английской армии. Но и этому плану не дано было осуществиться. И он возвращается в Россию – голодную, окровавленную революцией родину, иначе он поступить не мог. Как и Анна Ахматова, он не представлял своей жизни без России.

Вернувшись, он с головой окунается в бурную стихию поэтической жизни. Создает студию «Живое слово», работает с неутомимым Горьким над созданием серии книг всемирной литературы, ведет дискуссии, читает лекции. В том числе ведет занятия и в студии Балтфлота, той самой студии, от которой берет начало флотское Литобъединение. В Балтфлоте в это голодное время он получает продуктовый паек. Кстати, впоследствии он был лишен этого пайка по настоянию Ларисы Рейснер, той самой, которая послужила Вишневскому прообразом комиссара при создании «Оптимистической трагедии».

Гумилев напряженно работал, он был уверен, что его не тронут, он был уже слишком знаменит тогда. Он не скрывал своих взглядов. Утверждал открыто, что он – монархист. По воспоминаниям его ученицы – поэтессы Одоевцевой, однажды на вечере поэзии балтфлотовцев, читая стихи, Гумилев очень отчетливо проскандировал: «Я бельгийский ему подарил пистолет и

портрет моего государя». По залу прокатился протестующий ропот. Всякое могло случиться, могли и пальнуть в него. И вдруг прорвались неожиданные аплодисменты.

Флоту обязан Гумилев и выпуском сборника своих стихов «Шатер». Произошло это так: Гумилев получил приглашение от Павлова, занимавшего ответственный пост при командующем Черноморским флотом адмирале Немитце, совершить поездку в Севастополь. В поезде командующего Гумилев выехал из Петрограда. Месяц прожил в Севастополе – в вагоне этого поезда. Кстати, как раз во время этой поездки познакомился Гумилев с морским офицером, писателем Колбасьевым. Вместе с Колбасьевым совершил Гумилев поход на катере в Феодосию. В Севастополе при содействии Павлова удалось быстро издать сборник стихов и даже привезти несколько готовых сборников в Петроград. Весь тираж позже доставил Колбасьев.

В своих стихах Гумилев неоднократно отдавал дань морю. Он сделал великолепный перевод поэмы Кольдриджа «Песня о старом моряке». В своих оригинальных стихах Гумилев дал целый ряд запоминающихся морских пейзажей. В «Пятистопных ямбах» он написал:

*Я помню ночь, как черную
наяду,
В морях под знаком Южного
Креста.
Я плыл на юг; могучих волн
громаду
Взрывали мощно лопасти
винта,
И встречные суда, очей
отраду,
Брала почти мгновенно
темнота.*

Он еще многое мог создать, с каждым годом все больше возрастало его творческое мастерство, он стал учителем для многих поэтов. Но его жизнь трагически оборвалась. В тридцать пять лет он был расстрелян по приговору ЧК. Во многих его биографиях исследователи стараются подчеркнуть, что Гумилев не имел никакого отношения к так называемому заговору Таганцева, что поэт был вне политики. Это не совсем так. Гумилев не мог молча наблюдать за возрастающей волной большевистского террора. Во время Кронштадтского восстания он готовил прокламации. Он, конечно, не мог не откликнуться на предложения Таганцева. Гумилев стойко держался на допросах и мужественно принял смерть. Одновременно с ним были расстреляны сенатор Таганцев и профессор Лазаревский, скульптор князь Ухтомский, а также морские офицеры и матросы – участники Кронштадтского восстания.

После гибели поэт был вычеркнут из истории советской литературы, книги его не переиздавались у нас в стране. Сегодня – иное время. Стихи поэта стали достоянием народа. Память о нем сохраняют многочисленные мемуары. Для нас тоже важно, чтобы память о поэте-воине была закреплена в нашем крае, в местах, где поэт участвовал в сражениях. Решение об установке мемориального знака принято год назад, проект создан калининградским художником Николаем Фроловым, и хочется надеяться, что замысел будет реализован.